

ВЛАДИМИР МАКАРЧЕНКО

Я СДЕЛАЮ РУСЬ ВЕЛИКОЙ

Владимир Макарченко

Я сделаю Русь великой. Фэнтези

«Издательские решения»

Макарченко В.

Я сделаю Русь великой. Фэнтези / В. Макарченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830953-3

В данном издании публикуются три книги, повествующие о возникновении Руси с момента прихода на княжение варягов во главе с Рюриком и до становления князем киевским Олега.

ISBN 978-5-44-830953-3

© Макарченко В.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая. Сын разбойника	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	12
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	20
Глава восьмая	22
Глава девятая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Я сделаю Русь великой Фэнтези

Владимир Макаренко

© Владимир Макаренко, 2016

ISBN 978-5-4483-0953-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая. Сын разбойника

Глава первая

Боярин Велимир развалился на широкой скамье под оконцем, которую девка прислужница заботливо застелила соболиной шубой, бросив под голову взбитую подушку лебяжьего пуха. Как был в одежде, так и развалился, Даже сапоги стянуть не велел. Стар стал. Под пятьдесят набрякало. Самый долгий век среди родичей достался ему. Быстро уставать стал.

Вначале загляделся на то, как вертела девка крутыми бедрами под широкой юбкой сарафана да качала из стороны в сторону за пазухой пышными полушариями груди. Потом спохватился, что прошла та пора, когда задрал бы он ей подол на голову, да и осчастливил бы своей боярской страстью. Только и того позволит болезненное тело, опухшее от малоподвижной жизни, что запустить свои пятерни туда, где призывно маячат места, данные бабам для утех мужиков. А потом что?

– Чего долго копаешься? Устал уже ожидаючи. Велю Хрому дать тебе по твоей круглой заднице плетью раз пяток. Может поживее в следующий раз зашевелишься! – Выплеснул на девку зло от своей немощности Велимир.

– Все уж сладила, боярин-батюшка! – Воскликнула от неожиданного выговора девка. – Не вели плетями сечь...

– Ладно. – Сдобрился боярин. – Ступай уж. Токо, во следующий раз порасторопней старайся.

Девка помогла боярину удобно устроиться на скамье и выбежала из горницы. Выскочив за дверь, она зацепила плечом подошедшего к двери в полном облачении воеводу Путимира, который тут же ухватил ее за косу и шлепнул ладонью по заднице.

– Глаза сронила?! – Рыкнул воевода. – Куды прешь?! Давно не бита?! Как там боярин наш ныне? Не полегшало?

– Полегшало бы, так не улегся бы на скамье. – Ответила девка. – В палату бы прошел.

– Вона как скрутило отца нашего родимого. – Сочувственно проговорил Путимир, выпуская девичью косу из плена. Он открыл дверь и ступил за порог.

– Есть вести от Радиславы? – Сразу же прозвучал вопрос боярина.

– Нету пока, боярин. Донес бы уж до тебя, коли какая весть объявилась бы. Видать, задержка какая случилась у нее в Заранске. – Отвечал воевода.

– Может послать дружинников навстречу? – Настороженно произнес боярин. – Уж два дня как быть должны! Пошли как людишек. С полусотню. Пусть поторопят племянницу мою. Время не ждет. Плох стал совсем... Знахарь, какого ты ко мне приставил, Путимир, бьется, как наладить здоровьице мое. Стараются больно. Токо, видать, не достанет силенок человека против богов дебла затевать.

– Зря ты так, боярин. Знахарь больно помог тебе. Забыл, как с перины подняться не мог? Ныне ходишь сам. Да еще и шпигаешь кто под руку подвернется. Девка вона как из горницы рванула. Видать уж и на мужские дела горазд стал?

– Знаю, каково мне, лучше всех вас. Мне Радислава тута срочно надобна. Более ее сыновья. Кого старшим укажет, тому боярство свое отдам. Ты с матерью их присматривать за недорослями будешь, пока ума и силы нужной наберут. Так велю быть. Сам про то сказать успеть должен! Посылай людей!

– Будь по-твоему, боярин. – Прижав руку к груди с легким поклоном, воевода отошел к двери и вышел из горницы.

А на Велимира, впавшего в полудремоту, нахлынули воспоминания прошлого.

Как только сел на коня и смог держать копьё в руке, отец сразу же стал брать его с собой в походы воинские. То на их землю кто набегал, то сами в союзе с каким боярином набеги вершили. Однажды привез Велимир из похода отца своего на возу. Умирать привез. Острие вражеского копья пробило панцирь и глубоко вошло в грудь наконечником. Древко обломилось у самого края наконечника и торчало из груди оцетинившимся краями обломком. Вытащить наконечник – быстрая смерть. Не позволил отец, пока в памяти был. Хотел проститься с любимой женой, которая подарила ему сына и четверых дочек. Когда добрались домой, дышал еще отец. Только не выдел уж никого. Не смог прийти в себя, как не причитала над ним жена с просьбой такой. Всего тринадцать стукнуло тогда Велимиру. По завету отца ранее матери оставленному сел на боярство мальчишкой. Однако, сразу и стал мужем, в руках которого не одна тысяча душ была.

А соседи, прознав про смерть отца, враз, как волки набросились на молодого боярина, желая урезать от земель его лакомые куски. И урезали бы, когда бы не пришел на помощь древлянский Родан, который незадолго перед тем увез к себе старшую сестру Велимира в качестве третьей жены. Древляне так помогли, что еще и откупные пришлось напавшим платить и Велимиру и Родану. А земля убиенного Всеслава из Припяти к Велимировой приросла.

Сколько времени прошло! Уже дочку сестры своей с малыми ее ожидает. Сам-то остался холостым. То недосуг было семьей обзаводиться, хотя и получал намеки от иных бояр. Потом сам носм вертеть стал. Все по нраву никого не сыскал. Девками дворовыми только и баловался. Благо тут отказу ждать не надо. Любая за счастье почтет одаренной самим боярином быть и приданое от него получить. На таких женихи, как собаки на кости бросались. За всю жизнь не заработали бы монет тех, кои девки за забавы боярские получали, не считая иных даров.

Так и остался один, как перст. Никогда не слышали детского плача хоромы его. Теперь вот племянницу призвал, чтобы ее близнецам стол свой оставить.

Яркий луч солнца пробил слюду в окошке и застыл горячим ярким пятном на груди у Велимира, плеснув в грудь заряд какой-то силы, которая взбодрила боярина и подняла его на ноги.

– Выйду, пожалуй, наружу. – Прошептал он сам себе. – С солнышком ярким повстречаюсь.

Глава вторая

Небольшой древлянский отряд: дружинников верхами два десятка разделены на две равные группы, меж которыми крытый воз, медленно двигался по Гнилой гати*. Гать поделила собой на две части лес, который с одной стороны являл собой красавец бор состоявший из вековых сосен да елей и прозванный Глухим. С другой стороны пади росли могучие дубы раскидистые березы, липы. Прозывалась эта часть Медвежьим углом.

На самой кромке Медвежьего угла, когда только конь последнего всадника ступил на твердую землю всеми четырьмя копытами, на отряд из-за деревьев посыпались стрелы. Готовые ко всему, дружинники успели прикрыться щитами. Только не все. Трое передних, медленно сползли наземь. Крытый воз враз ошестинился торчащими из досок обшивки стрелами.

– Берите в седла баб и ребятишек! – Прокричал старший дружинник. – Вылазьте! – Скомандовал он тут же тем, кто сидел в возу.

Наружу выбрались две няньки с детишками на руках. Детишкам тем на вид и пары лет не было. Потом выбралась Радислава. Подоспевшие дружинник и, прикрывая собой женщин и детей, стали усаживать их в седла пред собой, когда из лесу на дорогу повалил странный народец, обряженный в одежды из шкур и вооруженный кто чем пришлось. Тут тебе и рогатки, с которыми на медведя только и ходить, тут же и ножи длинные. У иных просто колья толстые. Навроде длинных дубин. Зато числом велики. Поболее полусотни. А остальные все стрелы из _____

***гать – дога в болотистой местности**

укрытый бросают. Хотя и не боевые они, а охотничьи, но урон какой-никакой наносят. Еще двоих дружинников с седел сшибли.

Вырвавшаяся из лесу толпа пострашней тех оказалась. Хотя и сами урон понесли. Взамен поваленных четверых конников своих полтора десятка положили, но напора не ослабляли. В этой суматохе пропала одна из няnek с мальцом на руках. Старший дружинник сгреб Радиславу и бросил на коня перед собой, отправляя скакуна вскачь по тропе. Дружинники, с одной из няnek и вторым мальцом, последовали за ним, отбиваясь от наседавших лесных разбойников и оставив в руках злодеев еще двух своих товарищей.

– Вернись! Всеслава освободи! – Бушевала, удерживаемая жесткой рукой дружинника, Радислава, обливаясь слезами и стараясь при удобном случае выцарапать глаза спасителю.

– Прости милосердно. – При этих словах воин так сжал женщину, что она идохнуть то вволю больше не могла не только брыкаться. – Прости. Иначе не могу. Иначе многих положу и тебя со вторым дитем не сохраню. Нету у меня выбора иного.

Когда солнце завалилось за полдень, навстречу спасшимся явился конный отряд высланный воеводой Путимиром во главе с гриднем* Хромом.

– Чуть ранее бы вам объявится! – Воскликнул старшой из древлян. – Воев своих потерял я более десятка. Хуже еще то, как уволокли у нас разбойники лесные одного из сыновей госпожи нашей.

– Может, настигнуть их попробовать и отбить дитя? – Спросил совета Хром.

– Куды там! Сколько времени минуло. Они в лесу вольготней нас. Поди, так упрятались, что и не сыскать. Мы в своих лесах с такими разбойниками тоже дела имели. Тут надо не в наскок, а искать подходы к ним. Тогда и побить и полонить народец тот

***гридень – телохранитель**

можно. Давай лучше госпожу к боярину твоему свезем. Не то, совсем с горя в горячку спадет.

Объединенный отряд, не мешкая, двинулся в Частоград, что бы явить боярину Велимиру племянницу его и одного из сынов ее, коего спасти от разбойного набега удалось.

А в это время разбойнички, прошагав не коротко по лесу, сошли на болото и по тайной тропе своей добрались до твердой земли, где в густом березняке были вырыты их землянки, наполовину выглядывавшие своими бревенчатыми стенами из земли.

Первым делом разбойнички тела раздетых донага погибших собратьев своих, а вместе с ними и дружинников (снаряжение и одежда живым надобны) утопили в болотной трясине. Нечего лишние следы где-то оставлять. Затем, распределив меж собой ношу, двинули в лес. Няньку с мальцом на руках главарь вел рядом с собой, держа в левой руке ее тяжелую косу.

– Крив наш бабой теперя обзавелся! Заодно и с мальцом. Самому потеть не надо. – Шутили идущие следом разбойнички.

– Цыц! – Грозно прервал их болтовню Крив. – Кому-то жить в тоску? Забыли, кому иглы в спину шпыняете?! – Он плашмя шлепнул мечом по груди ближайшего справа мужика.

– За какое дело, Крив? – Вопросил мужик. – Я молчал поди!

– Штоб другим не повадно было! – По-прежнему грозно ответил от Крив. – Посля, коли снадобится гадости всякие нести кому-то, без головы оставлю. Сами мне такое дозволили, когда в вожаки позвали. Помните про то. А девка при мне жить будет. Ты своей титькой мальчика докормишь? Господская порода. Наши детки ужо бы жевали всякое, што сунут им. А тут баба, словно корова своим молоком чужое дитя выкармливает.

– Нам бы тоже баб поприводить... – Раздался новый голос.

– Мало ты, Чалый, по бабам шастаешь, когда в села бегаешь за хлебушком? – Раздался другой возглас. – Помолчал бы ужо. Вожак никому дорогу к тому не застит. К себе в стан токо приводить не дозволяет. А одна поживет у него. Коли надобность станет быстро сбегать отсель, так одной легко и башку тут свернуть. Обузой не будет. А бабье стадо с детишками быстро нас по рукам и ногам повяжет.

– Верно. – Отозвался третий. – Видать вожак дитя для себя сохранить хочет. Али позабыли уже как женку его и детишек двух набежавшая на городок наш дружина жизни на глазах его лишили, когда он разбил башку одному из дружинников и в лес скакнул? В память о том видать... Это теперь нас тут столь набралось. А тогда схорониться и успели с дюжину душ. Нынче вона: почитай по тройке сотоварищей на каждого дружинника положили, а бой выиграла. Впервой такое. Теперя и оружие имеется. Теперь посильнее будем. Заодно вон десятком лошадок обзавелись. На них иные дела вершить сподручнее. За все удачи наши Криву в ноги кланяться надобно. Под его рукой Смогли какими-никакими воями стать. Не зазря он у гостей торговых в охране ходил. Научился чему надо.

Глава третья

– Не горюй шибко. – Гладил по голове племянницу боярин, когда ввели ее к нему в горницу и усадили рядом за стол. – Весь Медвежий угол прочешет дружина моя. Найдем Всеслава твоего. Не держи сомнения. Хорошо хоть у меня времени достало вас с Радомиром дожидаться. Ныне же и отправлю воев в лес. Пушай разорят гнездо разбойничье.

– Жив бы только остался сынок мой. – С надеждой произнесла в ответ Радислава.

– Узрят боги за тем, чтобы дитя сохранить! Сомнений не держи! – Твердо высказал свое мнение Велимир. И обернувшись в сторону двери крикнул призывно. – Хром!

– Тута я! – Тут же объявился в дверном проеме гридень.

– Покличь-ка к нам воеводу Путимира!

Через открытую дверь было слышно, как застучали каблуки Хромовых сапог по доскам пола, а затем по ступеням лесенки, ведущей на нижний этаж. Спустя короткое время в горницу вошел воевода.

– Чего позвал, боярин?

– Надобно бы дружиной по Медвежьему углу прогуляться да разбойников, что сына у племянницы моей отняли к ответу призвать. Такие вот мысли у меня. – Отвечал боярин. – Пару сотен снаряди. Думаю, в достатке то число будет. Вернут Радомира, так и награду получат. О том извести.

– Сделаю, как велишь. – Заверил воевода. – Не за награды, а за совесть служим тебе, отец наш!

– Однако, и о награде извести воев. – Настоял боярин. – Мед – он завсегда сладок. Пушай стараются!

– Как скажешь. – Согласился воевода.

– Тогда и поспеши. Пока Радислава совсем в слезах не извелась.

Вскоре конный отряд дружинников уже покинул Частоград.

По пути к своему стану, Крив выведал у няньки, чьего ребенка пленил да в лес уволок.

– Знать, не на случайных проезжих наскочили? Самому боярину Велимиру обиду нанесли? Тута добра не жди! – Говорил он окружив шей его по его знаку разбойничьей ватаге. – Коли дружину к нам в лес сладит, то и болотная трясина от нас их не отгородит. Быстро гать сладят и сомнут нас тута. Уходить надобно в иные места. Благо, лошадками обзавелись, которые груз на себе поволочь смогут. Собирайте все, что с собой брать и двинем отсель в другие места. Нас всего сорок с небольшим душ. Мы к делам с воями не готовы. То ныне сами узреть смогли. Трех за одного положили. Это только от того, что спешили они бабу с дитем спасти. Не до боя им было. Да еще из засады луки помогли. Коли только для боя снарядят и ничем иным оглядки иметь не будут, то порубят нас под корень. Уходить надо быстро. Кто не хочет, того не держу. Коли удасться, попрячьтесь в селах.

Ранним утром следующего дня, когда первые солнечные лучи наладили розовый румянец на зависших в небе белых облаках, вся ватага Крива, за исключением троих, что пожелали остаться в родных местах, двинула в путь, держа курс на восходящее солнце. Когда прибывшие в Медвежий угол дружинники ладили, как подручней к стоянке разбойников подобраться, их уже и след простыл. А к вечеру следующего дня, когда дружинники успели гать наладить, ватага Крива уж и недоступной им стала, перебравшись в древний Волчий лес, обильно напичканный завалами да оврагами. Тут только зверю да разбойнику свои тропы класть. Воям тут не развернуться.

– Еще пару деньков и выйдем на Чалый Тракт. Вдоль реки Пристени он лег. Там торговый люд и телегами и лодиями товарец возит. Бывать там довелось, когда сам в старжики к тор-

говым мужам нанимался. Места хлебные. Веселей прежнего заживем. – Подбадривал своих сотоварищей Крив.

– Пропали, злыдни! Совсем пропали! – Пospешил доложить боярину Путимир, когда дружинники, ни солоно нахлебавшись, воротились в город.

– Следов никаких Всеслава не нашли? – Тут же вступила в разговор Радислава.

– Жив он! Нянька плат с вой в кустах нарочно обронила там, где прятались злыдни. Выходит, живы они с мальцом. – Уверенно ответил воевода, протягивая Радиславе нянькин платок. Ушли на восход. Видать, в Пристенское боярство подались. Наладим связь подручными боярина Истислава и подмоги попросим мальчика сыскать.

Только поиски пришлось отложить. В тот же вечер боярин Велимир прощался с близкими своими. Отходить захотел он в мир богов без оставленных на земле нерешенных вопросов и засевших в душах призванных к ложу злобах да укорах.

– Радомир – единственный пока из мужей моей крови получает от меня в наслед все, чем сам ныне овладел, без остатку. Племянница моя Радислава и воевода Путимир будут наставлять его на боярстве и охранять от обид и напастей, пока не посажен будет витязем на коня, когда срок нашим обычаем сложенный к нему придет. Тогда сам решать будет слушать ли советы, самому ли их кому давать. Брату его, Всеславу, оставляю в удел на Припяти, коли объявится когда. А пока племянница над тем уделом управу возьмет. Кому что даром в память ложу, то огласит Хром, когда испущу дух свой на волю. А теперь ступайте от меня.... Один быть хочу...

К полуночи и затих боярин совсем. Плачь да стоны и стенания наполнили хоромы. А после, как вырос холм на месте его погребения, у которого справили тризну, сел на стол боярский Радомир под приглядом матери своей и верного дяде воеводе.

А в землях Пристенских, в лесу у Чалого Тракта во ту самую пору объявились лихие людишки, которые стали урон торговым людям чинить. Некоторые из них вооружены были, как дружинники древлянские. Еще и верхами из засад набегали. Боярин Истислав уже обиду хотел на старшину древлянскую возвести, оповестив соседей о грязных делишках древлян. Только не успел. Приехали к нему посланцы от Частограда. Сказывали, что ищет мать боярина их малолетнего сына своего, который близнецом малолетнему боярину приходится. Похитили его злыдни из ватаги разбойничьей Крива и, прячась от погони, в эти земли подались.

– Понял теперь, откуда у них броня дружинничья. – Проговорил Истислав, выслушав рассказ приезжих посланцев. – Вона кто в мои земли со злом прибежал. Все одно мне хребет этому злыдню ломать. Там же о спасении брата боярского слово с кажу. Как отыщем, так в раз и гонцов пошлю, везти с почетом к матери вашим воям. Так и сказывайте Радиславе. А в подарок от меня шубейку кунью свезите да перстенок с камнями. Скажите: надеюсь вскорости навесить, когда сына ее вызволим.

Как говаривали сказители на Руси: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Отловить и покарать разбойников не так-то просто оказалось. Зимы веснами менялись, а ватага Крива только крепчала да вершила дела свои нежданно, то в одном месте, то в другом. Хапнут у купцов товарец дорогой, да и как сквозь землю провалятся. Одним себя являют: некоторые вещицы то в одном городке, то в другом на торгах объявятся. Купившие пытаются обрисовать продавцов. Но всегда выходит, что продавец не свое торгует. Ему кто-то где-то товарец по сходной цене предложил. Отчего прибыль-то не поиметь? Потом стихло все само собой. Слух прошел, что при очередном набеге догнала стрела Крива и жизни его лишила. А среди сотоварищей вроде раздрай прошел. Бросили некоторые дела лесные да в дальних селениях поукрылись. Поди, распознай в которых. Имеющих при себе деньгу, везде приютят...

Глава четвертая

Чуть более десятка лет прошло с той поры, как сел на стол боярский Радомир-боярин. Тринадцатый годок завершал жизненный круг его. Теперь уже взорам людским, когда случилось где встретить боярина, представал не ребенок, а व्यюнош. Хотя и не муж пока, но и мальцом никто назвать не осмелился бы. Обогнал сверстников своих ростом и статью. На первый взгляд менее пятнадцати лет никто бы и не дал. Настал тот день, когда молодой боярин на совете своем отчихвостил, как надо, старшину оружейников за недочеты в кованой для него броне.

– Коли боярину делая, так посрамились, во что дружину мою рядите?! – Грозно с просил Радомир, стукнув кулаком по столешнице. – Наказать, – обернулся он к воеводе Путимиру, – достойно делам этим! Забери у него знак старшинский! Пушай молотом помашет да жирок сгонит. Обленился совсем.

– Может, простим на первой случай? – Попробовал заступиться за своего давнишнего товарища воевода.

– Ты совсем о мне уважения не имеешь, воевода?! Он мне броню порченную сует, как изволил молвить: «в дар от оружейной слободы», а ты его под крыло?! Будет так, как я сказал! Сейчас же сорви с него знак. И пусть идет со двора к наковальне!

– Воля твоя, боярин... – Произнес ошеломленный волевым поступком молодого боярина воевода.

– Наперед все на носу зарубите: вы подле меня для совету только, а не для того, чтобы воле моей перечить. Матушке моей перечьте, как прежде выделявали. Она терпела. Я этого терпеть не стану! Теперь послушаю каждого, как дела порученные им вершились. Что в том земля наша обрела: выгоду, аль потери.

– Этот покруче Велимира будет! – Рассуждали члены совета боярского, покидая полати после долгого, почти на весь день заседания. – Ухо востро держать надобно. Хорошо, коли знака какого лишит. А коли вместе с башкой? Много постарался, Путимир. Гляди, как бы самого в дружинники не скинул.

– Коли дам на то повод, пушай правит, как надобно. Токо, не дам я такого. Верой и правдой службу служу. Гордо о том молвить могу где угодно. – Гордо ответил воевода. – А коли меня первого за повод дернул, выходит в коренных я, по мне весь воз боярский дорогу ложит, чтобы иные пристяжные верно бежали. Так-то!

– Зачем, сынок, так-то круто с ближними людьми гнешь? – Назидательно начала разговор с сыном Радислава, пытаясь по старой привычки ласково пригладить упрямо торчащий вихор на его затылке.

– Боярин я, матушка. Боярин! Тут, в горнице сынок я тебе, а в палатах и тебе боярин. Мой черед пришел землями и людьми править. Насмотрелся я, как в спорах иных ты все на уступки шла заради спокойя. Кроме воеводы моего, гридня Хрома, да и тебя, матушка, никто боле без дозволения ко мне не войдет. Вам только такое даю. Твердая рука нужна ныне. Али не слыжала, как степняк зорить соседей наших набегами стал. Пока – набегами. Потом волной пойдет. Меня о том знахарь Губан упреждает. Он с самим Велесом* разговоры ведет в капище** лесном. Потому завсегда все верно толкует мне. Я тебе о том ранее не сказывал. Он просил. А ныне упредил – мой срок пришел все в руки свои брать. В том Велес его заверил и опорой мне стать пообещал. Отныне проживать Губан в хоромах наших будет. Присмотри комнатку себе к поближе. Будет с кем и о чем вечерами поговорить да прознать про многое, что ранее не ведала. Заодно и за здоровьем твоим, которое мне больно дорого, надзор всегдашний будет. Я же с воеводой проеду все города и села наши. Хочу сам узреть, каково везде дело положено. А заодно и полки соберу, чтобы с воеводой знать, на что способны они. Как вооружены. Что

могут оружием тем творить, коли в бой вести их. Много дел. А вы тут с Губаном да Хромом на хозяйстве побудете. Оба помощника твои верны и много уразуметь в делах смогли.

– Возмужал сын мой, а я-то и проглядела, как стал таким. – Тихо произнесла себе под нос Радислава, оставляя сына одного в горнице.

– Все в недорослях числили меня. – Заулыбался вослед матери Радомир и брякнул в стоявший перед ним на столе колокольчик. – Зови ко мне Губана, – повелел заглянувшему слуге, – разговор будет.

Слуга переломился пополам в поясе, ткнув запястьем правой руки в пол и, пятясь задом, за дверь, заверил:

– Как велишь, боярин. Сполню.

Потом было слышно, как он бегом рванул на поиски знахаря Губана.

*** Велес – бог плодородия, богатства и семейного хозяйства.**

****Кáпище – древнеславянское слово, которым обозначается пространство языческого храма, расположенное за алтарём, и предназначенное для установки капей (статуй, изображающих богов) или иных сакральных предметов**

Слух о том, что сразила Крива насмерть стрела, был явно запущен с хитрым умыслом самими лесными разбойниками. Когда боярин Пристенский, Истислав, замыслил побить лихих людишек дружиною своей, понятно стало – не отбиться разбойничкам от дружинников, кои вести дела военные горазды более любого из них, совет стал держать Крив с народцем своим.

– Не вои мы. От того, как малую охрану людей торговых на тракте в оторопь ставим доспехами своими, на конях выбегаючи, не следует думать, и дружина от нас оторопееет. Там не таких, как мы видали и били наскоком и большим числом. Насолили мы тут крепко боярину Истиславу.

– Не токмо ему! – Выкрикнул один из разбойного люда. – А сынок твой неродной, Все-слав?! Сколь раз люди его маманьки, не дожидаячи помощи от Истис лава в лес заглядывали? Хорошо не достали нас. Потому – месс та здешние им не знакомы, а объявиться Истиславу, верно, не отчаялись. По чужой земле ведь бегали.

– И то верно. – Поддержал говорившего Крив. – Вырос Всеслав. Иного отца, окромя меня не имел. Потому – родной мне. Нянька его при нем тож прижилась. Заместо мамки родной. Токо, не затем собрал вас всех, чтобы искать, кто какие обиды на нас таит. Дело хочу предложить. Разбежимся ныне на какой-то срок из лесу. Богатства, что каждому от дел наших пришло, хватит, чтобы безбедно прожить те дни. Выберите каждый себе дело по душе. Кто-то гостем торговым обернется. Есть на то и упряжи и товар. Токо, по большим городам не толкитесь. Штоб не узнал кто товарищ свой. Заодно и приглядитесь: где да как. Когда к делам своим вновь вертаться станем, такие вести очень сгодятся. Те, кто из дальних мест и не хочет в торги лезть, приживитесь в селах, где никто не знает вас. Наплетите любых страхов, отчего бежать к ним пришлось. Кто дознается, правы ли. Токо, на каждую третью луну, от этой считая, приходите к нашему вязу и заглядывайте в дупло. Коли такой знак найдете, он поднял руку с наконечником от стрелы, то назад не вертайтесь. Тут ждите остальных. Знать время пришло нам снова к делам своим вернуться. У кого пропадет на то желание после жизни новой, лучше сразу уходите и более не кажитесь нам на глаза. За предательство строго наказать можем. Сами про все решайте. Завтра к полудню и расстанемся. Мы с Малкой и сыном обозом торговым пойдем в земли откуда я сам сюда явился. Может, там и осядем. Где искать меня, знаете, коли срочность какая подопрет. Так порешим.

Следующим днем вышли на тракт три купечески обоза с торговыми людьми и охраной, и пошли в разные стороны судьбу новую на время обретать. Только четверо из всей ватаги

решили в места родные отправиться: авось приживутся да семьями обзаведутся. По делам пахотным больно заскучали.

Глава пятая

– Гей! Постой-ка, народ торговый! – На малоезженую и поросшую травой плетуньей дрогу лесную вышел громадный мужик в жилетке из волчьей шкуры с огромной дубиной на плече. – Шибко ли спешите? Не трудно ли везете? Может, постоим тут да добром поделимся? И вам полегшает, и нам будет какое добро с собой притащить. А то и бока помять можем. – Верзила поиграл в воздухе дубинкой так ловко, словно она совсем свой вес потеряла.

– Чей будешь, богатырь, когда с таким нахалом на незнакомцев прешь? – Поинтересовался облаченный в воинские доспехи конник, что ехал во главе обоза на вороном коне. – И много ли вас тута таких храбрых?

– Слыхал про Крива? Так мы из ватаги его. Сколь душ тебе знать незачем. На тебя хватит. Будешь делиться добром, али как?! – Настаивал верзила.

– Оно бы и поделиться можно, только с Кривом повидаться бы. Давно о том мечтал. Не позовешь ли? Такому злодею сам все отдам. Много о нем слышал. – Вел разговор обозный.

– Чего же не позвать, когда дело миром решить обещаешься. Не надо будет людишек твоих бить да калечить. – Согласился верзила, подавая знак тем, кто прятался за кустами, чтобы исполнили просьбу обозного.

– Десятка с полтора себя выявили сотоварищи его. Вели побить этот народец, отец, чтоб не зарывались больно. Мы уже определились – кому кого. Чай у нас навыка к этим делам поболее, чем у любого из них. – Подъехал к обозному молодой паренек и тихо проговорил, склонившись к его уху.

– Чего шептаться?! – Рыкну верзила. – Тебя, Крив, видеть хотят, – известил вышедшего из лесу, – по-иному не желают товацем делиться.

– Ну, тута я! – Заявил мужик, названный верзилой Кривом. – его надобно-то?

– Спросить очень захотелось у тебя, Сом, какого лешего ты тут моим именем прикрываешься? Отчего творишь то, к чему тебе веления от меня не было?! Забыл в чем слово другу другу дадено? – Обозный со всего маху огрел самозванца плетеной плетью так, что наискось через лицо того залегла багровая опухоль, тонкой лентой пробежав по левому глазу.

– Прости, Крив, нечистая подбила взять такое на себя! – Молил Сом, не обращая внимания, что по щеке его стекает кровь вместе с выбитым глазом. И, обернувшись к лесу, – выходите ужо. Он Крив настоящий. Я в подручных у него только и бегал. Прости, Крив!

– Помощь окажите самозванцу этому. – Повелел настоящий Крив вышедшим из лесу. – И чем вы решили народец проезжий пугать? Колышками своими заостренными вместо стрел да дубинами. Один добрый дружинник с десятка вас уложит, пока сам жизни лишится. Моим нынешним «обозникам» и пропотеть не пришлось бы, мечами помахав. Покосили бы вас, дураков, словно траву сухую. А то – вои. Легки на помине они! Вона отрядец в нашу сторону прет. Видать нашумели уже вы тут. – Обернулся к своим обозника. – Потяните их тут с пяток. Остальные пусть в лесу затихнут. Дальше я сам с воями разговор вести буду.

Когда отряд дружинников поравнялся с обозом, то глазам их предстали повязанные разбойники числом семь человек, среди которых возмущенно рычал туго спутанный верзила, делая попытки путы разорвать.

– Здоров будь, гость торговый! – Поприветствовал Крива старший дружинник. – Видать, опоздали мы к главному?

– Опоздали, милоч. – Согласился Крив. – Мы тут сами дело свершили.

– А Крива взяли?

– Какого Крива?

– Да объявился тута залетный разбойничек под именем таким. Говорят, в боярстве Пристенском много разору учинил. – Пояснил старший дружинник.

– Так того Крива уже года три, как стрела сразила. Сам я из тех краев. Купцом Миланом кличут меня. Давно там об этом Криве и память потеряли. Самозванцы видать. – Заверил Крив. – И то, деньгу на них заработаю. Ныне к степнякам путь держу. Там охотно мужиков на базарах берут. Особливо таких, как тот! – Крив ткнул рукоятью плети в верзилу. За него серебром заплатят.

– Выходит, нам тут и дела нет? – Грустно произнес старший дружинник. – Воевода обещал, коли словим их, так по медяку каждому дать. Медку бы попили...

– А ты не тужи! – Воскликнул Крив. – Я сам вам по медяку дам, коли из лесу проводите. Все одно по пути.

– Идет! – Радостно отозвался старший дружинник.

Обоз продолжил свой путь. А параллельно с ним, таясь в зарослях лесных, вел остаток своей ватаги одноглазый теперь Сом с окровавленной тряпицей на лицеиз-под которой торчали листья какой-то травы лесной.

– Ловко ты все дело повернул, отец! – Восхитился случившимся юный обозный.

– Повезло, что на Сому напали. Трусоват он завсегда был. – Ответил Крив.

– Что делать с мужиками станешь?

– Одних прогону наовсе, зарок взяв, што не вернутся к такому. Сом же с некоторыми к себе в ватагу возьму. Пока время не придет, походят с нами.

– Чего ждем-то?

– Когда ты, сын полным мужиком станешь. И по разуму, и по силе. Время то скоро грянет. Заодно Подлесок, что под селение себе у старейшины Загруды откупил, надобно обстроить до конца, чтобы бабы с детками спокойно ждали нас, когда из походов в края разные вертаться будем. Ныне мы – купцы, завтра – грозный народ лесной. Так-то легче погони с хвоста снимать. В Подлеске мы все купцы, охотники да хлеборобы. Про то Загруда верно ведает. В том и спокойствие наше. Племя Зарбан – защита наша.

– Как ловко ты отец, надумал все! – Восхитился Радомир.

– Не я один. Забыл, как собирали всех через знаки в дупле да решали, какой дорогой топать? Общая мудрость в том. Потому и братство наше окрепло и тверже камня стало. Славно ведь, когда идет обоз купеческий соломой и камнем груженный. Не прячется. Многим знаком уж. А вертается с товарцем разным, который и себе надобен и в торги в иное место свозить можно. Кто нас за злыдней лихих принять в силах? Казна у нас полна. Народец сыт, обут, одет на зависть иным. Племени, что приют нам дало, дары приносим. Заодно и Стрибогу*, что нас под своей рукой держит, жертвы отдаем.

*** божество, связанное с атмосферными функциями**

Глава шестая

Еще пяток лет прошло. Растет Подлесок, как говорится, не по дням, а по часам. Уже и улицы образовались сами по себе. Дабы не заглядывали соседи за забор бывшего купца, а ныне головы городского Милана, устроил голова себе отдельный двор на высоком берегу реки Заставы. Обнес его высоким частоколом из бревен тесаных. Ворота кованые навесил в том месте, где ров копанный вручную дугой частокол облег и водой из реки наполнился. Такие строения видал Крив-Милан во время походов своих скрытных в городах иных. Детинец* его удачен был. Возвышался нал всем Подлеском. Там и вся ватага его разместились, которая ныне дружиной звалась. Терем себе поставил голова. Большой. На башенке верхней шпиль торчит, а на шпилье том крутится из стороны сторону морда волчья. Такая же морда, на манер иных городов, на щите большом, что к стене над воротами на мост через ров ведущими прибит, такая же морда намалевана местным талантом. Эту же морду можно было зреть на щите головы городского и висевших на древках над четырьмя угловыми башенками значках. Сам город тоже стеной обзавелся. И как иначе. Прирост народу большой. Из разных мест народ умелый прибываться стал да постоянным жильем обрастать. На перепутье торговом город стал. Прямо за стенами детинца, под приглядом дружинников на большой площади торговые ряды легли. Всегда там народу полно. Приезжие и свои вперемешку. Пришлось ставить над рядами старшину с откупщиками**, дабы прибылью гости торговые делились с казной городской. Не малый доход имеет от того голова. Постепенно совсем от прежних дел разбойничьих ушел. К чему это ему теперь? Уважение и величие всюду велики стали. Не понапрасну, поди, старейшиной Загрудой на сход глав родов племени Зарбан с почтением зван. Надо ехать. И Всеслава с собой брать. Не выюнош уж мужчина. Пора бы и девку достойную в невесты ему присмотреть на пиру у Загруды. Малка лучше всех в том разберется.

*** одно из названий внутренней городской крепости**

**** сборщики налогов в старину**

– Дружинников с дюжину приготовь. – Велел Милан Чалому, который теперь был старшим его дружинником. – Завтра выезжаем. Как там Сом над торгами старшинствует? Верно ли оброк собирается? Откупщики его не утаивают ли сборы? Хорошо надзор учинил?

– Все, как надо. Второй глаз Сому надобен еще. Подворовывает сам понемногу. То там, то тут подарок какой утаит. То мелочь. Пушай на корм себе и детям своим хоронит. От оброка же и песчинки не оторвет. Верно то. – Твердо сообщил Чалый.

– Тогда ладно. Собираться будем. Что лазутчики твои донесли. Отчего на пир к Загруде зван?

– В точности никто не ведает. Однако, дочь его меньшая проболтала среди подруг, будто надеется невестой сыну своему стать. Может тут какое дело затеял Загруда. – Сообщил Чалый.

– Ладно. Поглядим там, какова затея и старейшины.

Оказалось, не один Милан зван был на пир к Загруде. Собрал он к себе несколько соседей из трех племен да двух бояр, одним из которых был Истислав Пристенский. Гостям разбиты были шатры большие на большой поляне лесной, где, чуть в стороне сколочены были длинные столы, за которыми гостям предстояло меда сладкого попить, закусить сытно, да и о делах поговорить. Не запросто так такие люди званы были.

После шумной суеты, какая завсегда сопровождает большой сбор гостей, Загруда пригласил всех за стол. Рядом с собой усадил бояр родовитых да старейшин от племен-соседей. За ними, с правой руки Загруды усажены были и Милан с Всеславом, да Чалым. Баб и девиц с детворой усадили за соседним столом, стоявшим в трех шагах от того, где сели мужи.

– Примите мое почтение, гости дорогие, за то, что не отказали да приехали по зову моему. – Поднялся Загруда с чарой меда в руке, когда гости хлебнули хмельного за встречу, как положено то было за всяким застольем. Не сказано было мной наперед зачем кликнул вас к столу своему. Простите! Хотел без ранних разговоров свою мысль тут положить. А мысль моя такова: судили мы тут да рядили с соседними племенами, как дальше быть. Уходит то время, когда можно жить было жить самим по себе, со своими укладами. Мы никого не задирали, нас никто не задирал. Деды так жили, их деды тож. И тех дедов деды одинаково. Только объявились в соседстве с нами степняки. Народ злобный. Все норовят урон нанести. Села жгут. Людей куда-то уводят. Грабят нещадно. А у нас противостоять им некому. Пахари, охотники, рыболовы в основе народов наших. Коли и дальше друг друга сторониться будем, изведут нас эти степняки. Как тучи черные налетают на своих лохматых лошадах, с коими, видать, от веку не расстаются, потому, как и пахнут едино. Скоры в налетах своих. Стрелы больно метко мечут. Урон большой повсюду. Единиться нам надобно да войско свое завести. Да во главе всех, как и у степняков заведено один кто-то стоял. Решили мы на совете племен поставить над собой такого человека и власть ему дать большую. А самим присягнуть на верность, оставаясь старейшинами в племенах своих. Однако же землю всю объединить в единое боярство. Пусть Залесьем зовется, как нареклись земли эти невесть когда. Что думаете?

– Чего думать-то много? – Важно возвысился над столом боярин Истислав. – Под кого стать-то решили? Под меня? Али под соседа моего Задора из Припяти? Я согласный в случай чего!

– Я тоже не супротив. – Встал на другой стороне стола боярин Задор.

– Благодарен вам, гости высокие за то, как руку помощи тянете. – Отвечал Загруда. – Однако, поручение у меня тут имеется от старейшин племен, которое с моим желанием в ряд ложится. Говорить? Иль сначала меду хлебнем, а после уж?

– Говори! Говори! – Потребовали за столом.

– Так вот! Удумали мы такое: звать на новое боярство главу из Подлеска, Милана. Показался он всем нам. И умом, и ловкостью, и тем, как дела торговые и воинские умело затевает и ведет. В нем наперед защиту и праведный суд узрели. Ништо, коли из других земель боги его к нам привели. Пупом прирос уже пупом к Залесью. Пусть и станет он первым боярином Залесским с сыном и потомством его на праве самому определять, кто взамен него станет, коли он богами призван будет. Таково решение наше! Коли у гостей есть какие вести о том, как недостоин он быть на боярстве, говорите прямо сейчас! – Выждав короткое время и не получив возражений, Загруда продолжил. – Ты сам, Милан, имеешь что супротив сказать?

– Большой ответ на меня ложите люди знатные. Большой! Даже и не спросясь воли моей наперед. Трусом не был никогда. Коли запрягаете, поволоку воз этот. Всеми силами поволоку! И душой всей. Принимаю вашу волю! – Милан вышел из-за стола и склонился глубоким поклоном перед сидящими во главе его.

– Клянись в том! – Произнес Загруда и в сопровождении остальных старейшин подошел к Милану. Когда Милан повторил за ним слова клятвы, водрузил на его голову боярскую тафью* и вложил в руки соболью шапку. – В ставай, боярин Милан, наши клятвы принять.

Когда Милан вскочил на ноги, все старейшины опустили на колени и поочередно поклялись в верности и обязательном исполнении воли его.

– Садись, боярин, во главу стола, где теперь наперед тебе завсегда сидеть! – Торжественно произнес Загруда, подводя Милана к тому месту, на котором только что сам восседал. – Я же твое займу, когда со всем покончим разом да понастоящему за пир возьмемся. Порешали мы тут промеж собой, что породниться бы тебе не мешало с кем-то из старейшин. Тако вернее будет. Сын твой жених завидный. Как смотришь на то, Милан?

– Не гляючи, невесту выбирать, али как? – Поинтересовался

*** небольшая шапка, расшитая золотом и жемчугом, которую в старину бояре носили под шапкой.**

Милан.

– Отчего. – Возразил Загруда. – Ждут все пятеро вон в том шатре. Как и заведено, поначалу мать жениха, Малка, глянуть их должна, нет ли изъянов. Потом жениху явим. На какую глаз его ляжет, ту и отдадим ему тут же.

Малка скрылась в указанном ей шатре. Все пятеро невест скинули перед ней всю одежду и явили себя так, как на свет явились. Няньки стояли позади невест, помогая им исполнять требования малки. Девки, как на подбор, были румяны и сочны. Казалось, вот-вот брызнет на Малку наливший их сок, когда ощупывала она бедра их и груди. Хороши невесты, что и говорить.

– Одевайтесь ужо! К жениху выйдем! – Скомандовала Малка, кончая осмотр. Веренице проследовали за ней пятеро девиц к тому месту, которое она им указало. Надобно было, чтобы свету солнечного поболее падало на них с небес.

– Выбирай, сын! – Предложил Всеславу Милан.

Замер поначалу парень на красоту девичью гляючи. Потом прошелся раз, прошелся два и взял за рук ту, что стояла в самой середине.

– Ее беру! – Твердо заявил он.

– Ладушка! Дитяtko мое! Счастье-то какое! – Подбежала к жениху и невесте жена Загруда.

– В точку попал парень. – Шепнул на ухо Милану Чалый. – О ней с тобой разговор-то вели.

Сердцем, видать, чуяла. – Заулыбался в ответ Милан.

– Вот теперь все решено. Зови боярин гостей к столу! – Заявил Загруда. – Ныне у тебя мы уже в гостях. Веди пир. Он крепко обнял Милана и Всеслава. Мамки! Место жениху с невестой быстро наладьте. Два праздника ныне празднуем!

Женщины за суетились. Вскоре жених с невестой уже сидели за отдельным столом, окруженные подругами невесты.

Глава седьмая

– Новость несущ тебе, боярин! – Заявил с порога Путимир. – Не ведомо мне – хороша ли. Новое боярство ныне объявилось. Все племена в Залесье под одного боярина стали. К клятве его привели уже. Да и сами поклялись в верности. А сына его на дочери одного из старейшин поженили.

– Кого на боярство посадили? Ведомо ли? – Поинтересовался Радомир.

– Ведомо только, что пришлый он у них. Из гостя торгового в боярина перерядился. Верно, перед тем земельку у них прикупил и на ней свой город поставил. Подлеском назван. И детинец там с вой имеет. – Отвечал воевода.

– А, откуда явился этот купец, не прознал?

– Нет пока, боярин. Но прознаю. Вроде не совсем ближний, но сосед наш теперь. Знать должны поболее.

– Верно мыслишь воевода. Чего сам к тому не пришел? – Спросил словно невзначай Радомир. А сам подумал: «Стареет воевода. Давно бы надобно Хромом заменить. Тот порасторопней. А Путимира наделом наделить где-то под городом да окольничим* назначить для почету. Заслужил, поди. Матушка, та на своем уделе сидит. В дела мои не лезет. Всеслава с Твердиславом-мальцом у нее гостит. Уже, почитай пол лета. – Посылайте с Хромом лазутчиков в Подлесок. Пусть все как надобно разузнают. Серебра отсыпь им, не жадничая. Может, кого, слабого на язык, в друзья себе через те монеты получают. Больше знать станут. «Всюду Хрома мне сует! – Возмущенно подумал Путимир. – Словно я совсем слаб умом стал!» Он, сам не замечая того, махнул на свои мысли рукой и пошел к выходу.

*** высший чин при боярине. Лицо, ведущее все дела боярства**

– Чего руками размахался, воевода? – Прозвучал вдогонку голов боярина. – Мухи одолели?

«Чует мои мысли, старик! – Уверенно подумал Радомир. – Не надо откладывать решение надолго. Призову обоих, да и скажу то, как надумал».

– Лазутчиков снарядить надобно нам с тобой, Хром, к боярину Милану в Залесье. Говори, кто тебе расторопным к такому делу кажется. – Объявил Путимир, найдя хрома в казарме, чихвостившего дружинника за недогляд в чистке коня.

– Конь жисть твою спасает. Потому, больше жисти его сберегать должен, раззява! Гриву, хвост укороти, как надобно коню боевому. Венди снова к реке. Потом гляну. Коле не заблестит на солнце, велю тебя плетью посечь! Так-то! – Накричал Хром и повернулся к воеводе. – Я тут на кой? Ты воевода. Тебе по чину дела такие вершить.

– Видать боярину иначе все смотрится. Чую, в скорости тебе дружину у меня брать под свое начало. Потому, готов будь. Вскоре уже призовет. Мне про то и старый Губан на ухо шепнул. Он – ведун. Зря не обмолвится. Еще вещал: с чудными делами встречу поймеем. Двух одинаковых людей узрим в скорости. К чем у бы такое?

– Кто знает, что боги ведуну нашему на уши шепчут? Видать, обождать надобно маленько. – Откликнулся Хром, почесывая пальцами густую бороду цвета вороньего крыла. – А в лазутчики я бы Брова с Тырком определил. Много складны к тому.

– А и то верно! Сам про них мыслил. – Согласился воевода. – К скоморохам их приставь. На скоморохов никто глаз настороженно не кладет. Чего взять с пустого народа, который едино может – морды строить. Скоморохам везде рады. Пускай потешат народ в Залесье. По трактирам пушай пооколачиваются. Где завсегда люд обиде глаза хмелем заливает? Там и языки развязываются легче всего. Про боярина и сына его знать должны много. Неведомо, откуда взялся боярин тот, невесть какие мысли в голове его. Вона сколь племен в боярство

сложилось. Оно, почитай, ныне покрупнее многих соседей будет. Знать должны мы наверняка: миром жить станем, али ратных дел не миновать. Так-то.

Пока в Белани у боярина Радомира ближние люди его готовились заслат в залесье лазутчиков, бояре Задор из Припяти и Истислав из Пристени иное вершить задумывали.

– А что, Истислав, – поинтересовался Задор, когда гость его желанный прибыл в Припять и они сели за накрытый стол отметить этот случай, – не положит ли нам глаз на земли залесские? Почитай, самое время свои уделы прирастить за счет земелек тех.

– Отчего нет, боярин Задор. Коли сами поломали свой устой племена залесские, то и зарок о мире, которые исстари с ними положены были дедами нашими, порушены стали. С боярином-высочкой Миланом, у нас никакого сговору нету. А он, купчишка зазнавшийся, из чужих краев сюда забежавший на один ряд с нами стать захотел Ишь – какой! Родовитых бояр с купцами роднить надумал!

– То-то и есть! – Поддержал Задор. – Ныне еще полянский боярин Борок заехать должен. И его пригласил. Пущай земелька у него мала, да и народца не то, как нашего, все же подмога какая-никакая случится от него. Да и то, как не едины мы в замыслах, перед иными боярами да князьями нам в защиту. Правое дело вершили. Порядок должный ставили, а не на чужую земельку глаз.

– Мудрый ты, боярин Задор! Велик умом! Коли с Борком сговоримся, то надобно уже к поздней весне, когда земля подсохнет, да травка прорастет. Готовить полки, чтобы к началу лета и набежать на Залесье. Пока там дружину сколотят да обучат мечи и стрелы в руках держать, мы ужо и намнем им бока да свою власть учиним, поделив земли меж собой по справедливости. А вон и Борок! – В проеме открытой двери появился сутулый старик в боярском одеянии.

– Ко времени поспел? – Поинтересовался Борок.

– Самое время! – Успокоил его Задор. – Мы тут пока только про жисть разговор вели, тебя дожидаясь. Теперь выпьем по чарке вина чужеземного, да и к главному разговору обрвтимся.

– Вот и славно. – Проговорил Борок. Позвольте сына старшего сюда призвать. Он ныне главная моя опора в делах. Ему и вершить с моего благословения то, как здесь у нас в мыслях сложится.

– Зови, чего там! – Откликнулся Истислав. И вскоре к столу подсел статный широкоплечий сын боярский, который был раза в два покрупнее усыхающего отца своего. – Заводи, боярин Задор, разговор про дела грядущие. Будем вместе думу думать.

Глава восьмая

Не только людские взоры направлены были во ту пору на Залесье. Перун*, от прочих дел своих получив передых, вспомнил, как собирался когда-то жестоко наказать некоего разбойника Крива за злодеяние его на лесных дорогах. Много кровушки людской пролито им и людишками его было. Многие взывали за наказанием к Перуну. Жертвы богатые приносили. Только недосуг было великому богу бросить все заботы свои о делах людских, когда тысячи шли на тысячи, когда крики раненых и обиженных долетели до небес, не давая покоя. Ныне же выдалось затишье и встал в памяти божества старый вопрос о наказании злобного разбойника.

Крив, который теперь прозывался боярином Миланом, в это самое время выехал на охоту с парой дружинников. Много раз охотникам перебежали дорогу лисы, зайцы. Кричали в ветвях глупые глухари, криком своим ставя себя беспомощными перед любым существом, потому, как никого в такой момент, кроме самих себя, не слушали. Только, негоже боярину бить такую — — — — —

*** бог-громовержец, божество победоносное, карающее, явление которого возбуждает страх и трепет.**

мелочь. Ему бы крупного зверя: лося, секача*, иль еще кого. Только день уже к полудню подобрался. Лучи солнечные уже полянки просвечивали меж соснами да елями. А охота не складывалась. Решили разойтись в стороны шагов на пять десятков друг от друга, чтобы в случай чего ко времени на помощь подоспеть. Когда упрутся в Холодный ручей, там на берегу и сойдутся вместе.

Боярин вдруг уловил краем уха легкий треск и гулкий стук копыт, словно кто-то нетерпеливо топчется на месте. Он сделал несколько шагов в ту сторону и раздвинул кусты. На поляне, прямо против него стоял огромный тур** с могучими рогами на голове и вперил в него взгляд своих больших, чуть раскосых глаз. Во взгляде этом почувствовалась великая строгость и какая-то страшная безисходность.

— Выходи уж совсем! — Человеческим голосом скомандовал тур. — Жду тебя. Ответ ты должен держать предо мной, злыдень кровавый. Пора пришла. Думал, так век свой и проживешь безнаказанно?

Крив попытался натянуть тетиву, чтобы пустить готовую к полету стрелу, но... тетива порвалась, словно тонкая нить, а стрела упала к ногам охотника.

— Не дури! — Грозно произнес тур и в то же мгновение перед глазами предстал вроде бы человек высокого роста, с черными волосами и длинной золотой бородою, из глаз которого вырывались искры.

— Перун! — В страхе вскричал Крив и рухнул перед божеством на колени. — Не узнал! Прости!

— Не для того сам явился тебе, чтобы прошение нести. — Заявил хладнокровно Перун. — И с тобой не видясь решить то

*** дикий кабан**

**** дикий бык**

мог. Спросить пришел за злодеяния твои. Кабы, достойным воином в схватке с врагом кровь лил, то имел бы от меня помощь и прощение. Ты же, не славы, а злого умысла ради, губил собратьев своих, корыстью подгоняемый. Богатства хотелось? Власти? Получил все? Теперь ни к чему это тебе. Каким на землю пришел, таким с нее и уйдешь.

— Сына не трогай, Перун! — Взмолился Крив.

– Нет сына у тебя, злодей! – Вскричал в ответ Перун. Да так вскричал, что листва с деревьев наземь посыпалась. – Иль запомнил, как чужое дитя себе прибрал?! Не будет с ним ничего дурного. Я тебе говорю, смерд!

И тут же маленькая молния юркой змейкой соскользнула с ладони Перуна и вонзилась затем в грудь Крива. Новоиспеченный боярин со стоном ткнулся носом в траву. В чистом небе прогремел гром. Прибежавшие на стоны боярина воины увидели его лежащим на траве с кровоточащей раной в груди, а вокруг остались следы копыт огромного тура.

– На какого великана наварлся боярин! – Восторженно произнес один из воинов.

– Поташим его быстрее к лошадям. Надо в детинец успеть живым довести. Пущай там знахарь над ним колдует. – Скомандовал второй.

Глава девятая

«А тем временем...» поспешили отстучать на клавиатуре компьютера пальцы, продолжая на странице дисплея изложение событий. «Каким – тем временем?» – мысленно спросил я самого себя. А как еще мог заявить о том, что должно было продолжить повествование об истории доподлинно мне известной. Волей одного из героев этих событий прошлое столкнулось с очень далеким будущим. Причем не прошлое сделало семимильный шаг во времени, а то самое далекое будущее стремительно рванулось вспять так, что за одно мгновение пропятилось на несколько веков. Короче, сами решайте, как обозначить столкновение времен в единой точке, в единый момент. Я просто продолжу повествование в той очередности, в какой события развивались. А потому очередная глава несколько не выпадает из единого порядка повествования и будет изложена с хронологической точностью.

Автобус бежал по таежной дороге, отсыпанной крупным щебнем и закатанной сверху налипавшим к протекторам грунтом. Вслед ему ехала грузовая «Газель». Автобус вез три десятка членов Ийского исторического клуба «Мы – славяне», которых после удачного выступления на большом празднике, где они принимали участие в воссоздании боевых действий в средневековых событиях, пригласили на съемку исторического фильма. Правда – не только их. Окончательный отбор должна была сделать какая-то там комиссия на кастинге. Соперниками их были «Богатыри» из центра России. «Газель» везла всю их воинскую амуницию: шлемы, броню и кольчуги, щиты, мечи и копья с луками. До Хабаровска, откуда им предстояло лететь в Питер, нужно было проехать еще километров тридцать, когда страшным хлопкомшина одного из задних колес известила всех о том, что им крупно повезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.